

"Хейзел Мартин! Спустиись сюда и помоги мне приготовить ужин для твоего отца, брата и работников фермы!"

"Я не могу, мама", - весело крикнула Хейзел, спускаясь по лестнице. "Кто-то поднимается в дом. Я должна посмотреть, кто это. Я думаю, это могут быть Мэгги О'Лири и ее брат Джон! Может быть, у нее есть новости от Джимми".

Она повернулась, не обращая внимания на возмущенное фырканье матери, доносившееся с первого этажа, и вышла обратно на вдовью дорожку, окружавшую второй этаж фермерского дома. Солидный, построенный из добротного канадского кирпича, он возвышался над четырьмя сотнями акров лучших сельскохозяйственных угодий Онтарио, расположенных к югу от деревни Брантфорд, на северном берегу озера Эри. Она принадлежала ее семье на протяжении трех поколений, с тех пор как Лютер Мартин с женой и грудным сыном эмигрировали из Англии почти сто лет назад.

Она прикрыла глаза, глядя на запад, когда запряженная лошадьми повозка медленно двинулась по дорожке. Через мгновение она улыбнулась, уверенная в своей правоте. Несмотря на то, что сейчас она носила модную прическу "боб", черную шапочку волос Мэгги, так похожую на волосы ее брата, она могла узнать за милю. Ее младший брат Джон, слишком молодой, чтобы отправиться воевать во Францию, держал поводья спокойных лошадей, Дьявола и Демона.

Хейзел помахала рукой, когда Джон с грохотом остановил повозку на камнях двора. "Поднимайтесь!"

Мэгги подняла голову, вылезая из повозки. Даже с высоты двадцати футов и на расстоянии тридцати ярдов Хейзел показалось, что ее лицо выглядит бледным. По позвоночнику прошла дрожь. Неужели она получила плохие новости из Франции? Неужели Джимми ранен?

Она умоляла своего жениха не призываться в армию. А когда он поступил, она молила Бога, чтобы его не отправили за границу. Но несколько месяцев назад они стояли вместе на этом месте, и Джимми стоял высокий и гордый в своей парадной форме цвета хаки. Его полк получил приказ, и его отправляли во Францию сражаться с немцами.

"Почему?" - спросила она, промокнув слезами переднюю часть его мундира. "Почему так важно, чтобы ты поехал? Разве ты не можешь... разве ты не можешь сказать им, что передумал?"

"Армия так не работает, Хейзел", - сказал он, его мягкий голос прошелестел по ее щеке. Мягкий шепот его дыхания взволновал ее волосы. "И даже если бы это было так, кто снова поверит моему слову, если я нарушу свою клятву? Кроме того, - продолжил он, его слова приобрели приторный говор, который он унаследовал от своего отца-иммигранта, - ты знаешь, что некоторые люди здесь говорят о моей семье. О том, может ли ирландец быть верным членом Британской империи. Когда я вернусь, они будут знать, что я ничуть не хуже их. Я могу держать голову где угодно".

"Они идиоты", - фыркнула она. "Ты знаешь, что моя семья так не думает. Они любят тебя почти так же сильно, как и я". Она прижалась ближе, пытаясь запомнить его объятия, чтобы сохранить их на долгие одинокие дни и ночи. Она улыбнулась про себя, почувствовав, как он напрягся, прижимаясь к ней, и в ее животе расцвело ответное тепло. "Мы могли бы уехать", - прошептала она. Она опустила руку ниже, чтобы накрыть его пах. "Я уверена, что мама и папа поймут, если я отведу тебя в сарай и устрою тебе особое прощание".

Он слегка отстранился, и она увидела его прекрасную улыбку. Одна худая рука потянулась вверх, чтобы погладить ее по щеке, и он накрутил прядь ее каштановых волос на палец, как он делал, когда они оба были детьми в начальной школе.

"Нет, Хейзел. Что, если бы я зачал тебе ребенка, а со мной что-то случилось? Ты бы хотела, чтобы он родился ублюдком, а я даже не смог бы дать ему свое имя?"

"Или ее", - поправила она. "Кроме того, Фаун Шепард сказала мне, что Сонни Сойер сказал ей, что нельзя зачать ребенка с первого раза".

"Тогда Санни Сойер - чертов дурак", - ответил Джимми. "И Фоун тоже, раз поверила ему. Подумай здраво, Хейзел. Ты дочь фермера. Ты когда-нибудь слышала о том, что телка не может забеременеть, потому что она впервые сошлась с быком?"

Хейзел хихикнула. "Так вот как ты о себе думаешь?" Она погладила его, чувствуя, как он дрожит под ее рукой. "Пожалуйста, Джимми. Я хочу тебя. Я хочу, чтобы у меня было что-то на память о тебе. И я не хочу ждать месяцы или годы, пока ты вернешься, прежде чем мы сможем наконец быть вместе".

Если ты вернешься. Невысказанный страх повис между ними.

"Стоп", - хрипло сказал он. Сильная рука поймала ее запястье. "Я не хочу опозорить себя в нашу последнюю ночь вместе. А именно это и произойдет, если ты будешь продолжать в том же духе". Он наклонился и нежно поцеловал ее. "Девственность - не грех, Хейзел. Я люблю тебя. Я готов ждать тебя. А ты готова ждать меня?"

Мэгги открыла дверь, ведущую на прогулку, и ужас охватил сердце Хейзел. Обычно жизнерадостное лицо ее подруги представляло собой открытую рану, голубые глаза были красными и сырыми от слез.

"Джимми?" - спросила она.

Мэгги кивнула. "Две недели назад. В местечке под названием Курслетт". Она протянула письмо.

Курслетт, Франция

19 сентября 1916 года

Мистер и миссис Джозеф О'Лири

Брантфорд, Онтарио

Сэр и мадам:

С большим сожалением я должен сообщить вам о смерти вашего сына, капрала Джеймса Фрэнсиса О'Лири. Вместе со своим подразделением он участвовал в атаке на деревню Курслетт. Он храбро сражался, но был тяжело ранен осколком снаряда 4 сентября 1916 года. Он умер в госпитале через несколько дней, 17 сентября. В последние минуты жизни с ним был ротный капеллан, который сообщил мне, что все его мысли были о семье и невесте, мисс Хейзел Мартин.

Пусть Бог даст вам силы в это трудное время.

Имею честь быть,

Вашим покорным слугой,

подполковник Джон Г. Хаттрей

Командир

10-го батальона

Канадских экспедиционных сил

"Там была и форма", - сказала Мэгги. Через плечо Хейзел увидела, что ее мать стоит в дверях, по ее щекам текут слезы. Дрожащей рукой она протянула конверт. "И прядь его волос. Наверное, чтобы мы его помнили. И какой-то... какой-то упырь включил в него осколок, который убил его". Ее голос дрожал от горя и ярости.

"Нет", - прошептала Хейзел. Ее сердце было глыбой отравленного льда в груди. "Он не умер. Он не может быть мертв". Я сказала ему, что буду ждать. Когда он вернется, я собираюсь отдать себя ему. Стану его. Положу свою девственность на алтарь нашей любви. Никто и никогда больше не сможет разлучить нас".

Душераздирающий всхлип потряс ее, и она привалилась спиной к стене дома, судорожно сжимая ужасное горе в животе, кирпичи скрипели по ткани ее небесно-голубого платья. Наверное, теперь мне придется начать носить черное, бессмысленно подумала она. Джимми всегда говорил, что этот цвет мне не идет.

Сотни воспоминаний о нем пронеслись в ее голове. Тысяча. Миллион. Темно-синий цвет его глаз, меняющий оттенок при любом освещении. Дни в школе, когда они оба были детьми и вместе занимались арифметикой. Ощущение его добрых, сильных рук. Как его волнистые черные волосы падают на лоб, заставляя ее пальцы чесаться от желания расправить их. Длинные, ленивые дни, проведенные за разговорами в магазине его отца или здесь, на ферме, когда она так медленно влюблялась, что даже удивилась, когда поняла, как сильно он ей дорог.

Никогда больше. Никогда, никогда больше. Ее глаза остановились на скрюченном куске металла в руках Мэгги, и ее душа закричала от ненависти.

"Мерзкая тварь", - прорычала она. "Убери это с глаз моих!" Она выхватила его у Мэгги и подошла к краю крыльца. Она откинула руку назад, отбрасывая его как можно дальше от себя.

Слишком сильно. Слишком далеко. Ее вес сильно ударился о перила крыльца. С гнилым треском он раскололся, лишив ее равновесия. С отчаянным криком она упала.

Гранитные камни двора положили конец ее жизни. Но, к сожалению, не ее боль.

Август, 2016

"Итак, мистер Уотфорд, что вы думаете?"

"Что я думаю? Я думаю, что не могу поверить, что вы и ваша дочь не живете здесь", - сказал он женщине, которая показывала ему старый величественный дом. "Почему вы двое живете в этом крошечном домике по соседству, а не здесь?"

"О, вы узнаете об этом, когда в декабре придет счет за отопление, если вы останетесь здесь надолго", - ответила Синтия Мартин. Широкая улыбка углубила линии смеха в уголках ее рта и глаза, которые искрились добрым юмором. "Это место настолько современное, насколько мы смогли его сделать, но оно слишком большое для нас двоих. Конечно, когда у нас появится возможность сдать его в аренду известному писателю романов..."

Марк Уотфорд горько рассмеялся. "О, Господи. Моя слава опережает меня, я вижу".

"О, да", - сказала Синтия. Она наклонила голову. "Моя дочь любит вашу книгу. И я видела ваше интервью на Си-би-эс несколько месяцев назад, когда вы впервые попали в список

бестселлеров. Они отнеслись к вам так, словно вы были двухголовым теленком. Писатель-мужчина, который пишет роман и использует свое имя, а не псевдоним? Безумие, думали они. Как они описывали вас?"

Марк покраснел. "Сочетание Бертрис Смолл и Терри Пратчетта", - сказал он, глядя себе под ноги.

"Высокая похвала". Синди подняла брови. "Я не очень много знаю о Терри Пратчетте, но Бертрис Смолл была чертовски хорошим писателем. Если кто-то сравнивает тебя с ней, это говорит о многом".

Марк покачал головой. "Это слишком много говорит, я думаю. То есть, я писал для школьной газеты и продал несколько рассказов в колледже, но я никогда не думал о писательстве как о карьере. Это было просто хобби. А потом кто-то подарил мне экземпляр "50 оттенков" в качестве шуточного подарка на рождественской вечеринке компании.

"Однажды вечером я села за стол и начала читать эту книгу, и не могла прийти в себя от того, насколько она ужасна". Синтия хихикнула, когда они прошли через светлую, современную кухню в хорошо освещенную семейную комнату. Она была без мебели, но солнечный свет лился через высокие окна, бросая блики на полированный деревянный пол. "Я не осуждаю людей, которым нравятся какие-то извращения в их жизни. Но, Боже мой, если вы собираетесь написать историю о таких вещах, вы должны постараться сделать это хорошо".

"Поэтому я начал писать свою книгу. Сначала я думал, что напишу просто сатиру, ну, знаете. Шутка. Вроде того, что делал Пратчетт с кучей фэнтезийных тем. Но чем глубже я погружался в историю, тем больше она мне нравилась. Я не спал до двух или трех часов ночи, просто писал и хихикал, нарушая все правила романтического жанра. Когда я закончила, я связалась с издателем электронной книги. Я не ожидал многого". Он пожал плечами. "Я провел свое исследование и знал, как трудно пробиться в качестве писателя. Но одно привело к другому, и в следующий момент я узнал, что у меня берут интервью на телевидении и радио, а обложка моей книги расклеена на каждой плоской поверхности в Оттаве".

"Так почему вы решили переехать сюда? Брантфорд - не самое яркое место во вселенной, знаете ли".

"Именно поэтому он идеален, насколько я понимаю". Он последовал за Синтией вверх по узкой лестнице. Наверху широкая площадка вела в центральный коридор, по обе стороны которого располагались спальни и кладовые. "Я деревенский парень. Я вырос недалеко от Тандер-Бей, и мне никогда не нравилось жить в городе, хотя мне приходилось работать. Теперь, когда я финансово независим, по крайней мере, на некоторое время, я могу делать то, что хочу, и жить там, где мне нравится".

"Вот спальня", - сказал его хозяин, открывая дверь в дальнем конце коридора. "А через эту дверь справа находится ванная комната. Много места в шкафу". Его взору предстала большая комната, выкрашенная в успокаивающий темно-зеленый цвет. На противоположной стене был

дверной проем, ведущий на вдовью дорожку.

"Вот это да", - сказал Марк. Он открыл дверь и вышел на теплый летний воздух. Насколько он мог видеть, вокруг были только поля пшеницы и кукурузы. Если не считать лениво вращающихся ветряных турбин, он мог бы оказаться в другом веке.

"Какое замечательное место для работы", - сказал он, опершись локтями о перила. "Я мог бы сидеть здесь летом, писать и смотреть на грозы. Я даже не могу представить, как красиво здесь будет зимой, во время метели. Вся эта земля ваша?" - спросил он.

Пожилая женщина кивнула и присоединилась к нему. "Отец вылез бы из могилы и убил меня, если бы я даже подумала о продаже. Но когда он умер, не было и речи о том, чтобы я пыталась управлять этим местом сама. Я выросла дочерью фермера. Но когда мой брат Тедди уехал в Торонто, а мой бесполезный муж уехал, стало очевидно, что мне придется сделать трудный выбор. Поэтому я сдаю землю в аренду нескольким своим соседям. И турбины приносят прибыль. Каламбур, безусловно, подразумевается", - сказала она, а Марк рассмеялся. "Это дает нам с Брианной достаточно средств для жизни, и еще немного остается. Особенно теперь, когда она закончила университет".

"Так вы там вдвоем?" спросил Марк, кивнув в сторону небольшого дома в стиле ранчо в нескольких сотнях ярдов от дома. Вдалеке он увидел, как к подъезду подъехала машина, и из нее вылезла стройная фигура.

"С тех пор как умерла мама, десять лет назад", - сказала она, медленно обходя дом. Одной рукой она поглаживала полированные деревянные перила, как старого друга. "Отец Бри сбежал, когда ей было всего три года". Она фыркнула. "Он никогда не был достойным человеком. Его уход был лучшим, что когда-либо случилось с нами двумя, правда. Знаешь старую поговорку: "Женись второпях, кайся на досуге"?" Марк кивнул. "Это был наш брак в двух словах. Я был молод и глуп, а он отлично смотрелся в обтягивающих джинсах. Слава Богу, Бри больше похожа на меня, чем на него. Хотя, очевидно, мальчики считают, что она тоже отлично выглядит в обтягивающих джинсах".

"Итак, вы заинтересованы в аренде квартиры?" спросила Синтия. "Я буду честен, Марк. Я хочу заключить с кем-нибудь долгосрочный договор. Последние две семьи, которые у меня здесь жили, были хорошими людьми, но каждое лето приходится искать нового жильца. Если мне удастся уговорить вас подписать договор на три года, я смогу снизить ежемесячную арендную плату на десять процентов?" В ее голосе прозвучала надежда.

"Договорились", - твердо сказал он, когда они закончили свой круг и вернулись в спальню. "Мне нужно будет перевезти свои вещи из Оттавы сюда и позаботиться обо всех других хлопотах, но, как вы думаете, я смогу переехать в следующие выходные?"

"Безусловно", - сказала Синтия с улыбкой, которая сняла десять лет с ее лица. "Давайте спустимся вниз, и мы сможем подписать договор аренды прямо сейчас. И у меня есть все номера и контактная информация, которая вам понадобится для подключения коммуникаций.

Газ, электричество, вода, кабельное телевидение. Или спутниковое, если вы хотите пойти этим путем".

Снизу донесся голос. "Мама, ты там наверху?"

"Блудная дочь", - сказала Синтия. "Я сказала ей, кто ко мне сегодня приходил. Она не могла в это поверить и заставила меня пообещать взять у тебя автограф. Думаю, она мне не доверяла. Сюда, Бри, - крикнула она.

Через несколько мгновений в дверь и на дорожку ворвалась маленькая, стройная молодая женщина, всего на несколько лет моложе Марка. Очевидно, дочь Синтии Мартин, она была одета в джинсы и свободную клетчатую фланелевую рубашку поверх белой футболки. Кареглазая и смуглая, она светилась молодостью и энергией. Ее темно-каштановые волосы спадали мягкими волнами до плеч, а тело было красиво изогнуто. Марк оценивающе поднял брови, рассматривая ее формы.

"Привет", - сказала она матери. "Это он?" Затем она хлопнула себя по лбу. "Конечно, это он. Он выглядит точно так же, как на фотографии на обложке его книги". Привет", - ярко сказала она, протягивая руку. "Я Брианна Мартин. Зовите меня Бри. Мне нравится ваша книга. Вы скоро напишете еще одну?"

Марк моргнул, пожимая руку очаровательной молодой женщины. Разговор с Брианной, как он убедился, был похож на вихрь, в котором летают случайные обломки. "Сейчас работаю над одним", - сказал он.

"Как называется?" - нетерпеливо спросила она.

"Пиратский капитан, который выкупил мои больные чресла", - ответил он.

Наступило короткое, потрясенное молчание, затем Брианна откинула голову назад и издала громкий, глубокий горловой смех. Синтия поджала губы, но хихиканье вырывалось из нее, как пар из чайника. "О, Боже", - сказала Брианна. "Это просто умора. Я не думала, что ты сможешь превзойти "Ее пылающие груди дикой похоти". Но, похоже, тебе это удалось".

"Все, что нужно, это немного воображения", - сказал Марк. "И хороший тезаурус". Он взглянул на часы. "Мне нужно вернуться в город и начать приготовления. Так что давайте спустимся вниз и подпишем договор аренды".

"Все уже сделано", - сказала Синтия и пошла вперед.

"Итак, мама", - сказала Бри позже тем же вечером, когда они ужинали вдвоем. "Ты рассказала

ему о тете Хейзел?"

Синтия сделала глоток молока. "Рассказать новому жильцу о призраке, которого могут видеть только члены нашей семьи? И то только раз в двадцать лет? Какая прекрасная идея, Брианна. Почему бы мне не взять большую кучу денег и не поджечь ее? Твой приятель-автор собирается заплатить нам более двадцати тысяч долларов в течение следующих трех лет за аренду старого дома. Зачем его отпугивать? Тем более, что он все равно никогда ее не увидит?"

Брианна невозмутимо улыбнулась. "Ты же знаешь, что она должна появиться в этом году". Ее лицо опустилось, выражая сочувствие. "Бедная женщина. Интересно, чего она хочет. Каково это было, когда ты увидела ее, мама? Ты поняла... поняла, почему она не двигается дальше?"

Ее мать покачала головой. "Это было всего один раз, Бри. И я была так потрясена тем, что увидела, что у меня не было возможности составить впечатление". Ее глаза смотрели вдаль, пытаясь уловить момент.

"Это была осень 1996 года. Прохладный день в конце сентября", - наконец сказала она. "Облачно и ветрено. Такой день, когда хочется закутаться в теплый свитер и свернуться калачиком с хорошей книгой или фильмом. Мы с твоим отцом снова были не в ладах, поэтому я жила в старом доме, у твоих бабушки и дедушки, пока решала, хочу ли я еще раз попытаться наладить отношения с Крейгом или мне стоит перестраховаться и подать на развод. Конечно, этот мясник облегчил мне задачу и уехал из города сразу после Дня благодарения. Хорошее избавление. После этого мы переехали в новый дом.

"Был ранний вечер, перед самым закатом. Папа был в поле, убирал кукурузу с твоим дядей Тедди, а твоя бабушка готовила ужин. Ты весь день капризничал, но я наконец уговорила тебя вздремнуть. Я держала тебя на руках и решила посидеть на прогулке. Я вышла через дверь в своей старой спальне, а там была она". Она покачала головой. "Это меня чертовски шокировало, Брианна, скажу я тебе. Это не было похоже на то, что показывают в фильмах, где женщина вся призрачная и нематериальная. Она выглядела такой же реальной, как ты или я.

"Именно это и напугало меня сначала. Я не могла понять, как кто-то мог пройти мимо нас с твоей бабушкой и подняться на второй этаж. Поэтому я издала тоненький писк и отпрыгнула назад.

"Кто ты, черт возьми, такой?" спросила Синди. "И что ты здесь делаешь?" Она прижимала спящего ребенка к груди.

Молодая женщина смотрела на нее и маленькую Брианну, ее темно-карие глаза были наполнены бездонным горем. После первого шока Синди начала разбираться в деталях. Небесно-голубое платье уже несколько десятилетий как вышло из моды, а волнистые каштановые волосы были уложены в незнакомую прическу. Она вспомнила фотографии, которые тысячу раз видела внизу, добавила цвет к выцветшим снимкам с оттенком сепии и задохнулась.

"О, Боже", - сказала Синди. "Это ты, не так ли? Женщина в голубом. Тетя Хейзел?" Она протянула руку, ее ужас перед мучениями своей дальней родственницы пересилил любой страх, который она могла бы почувствовать.

Но не успела она дотронуться до нее, как фигура покачала головой и отвернулась. Склонив голову, она быстро пошла по деревянному настилу и свернула за угол к северной стороне дома.

<http://erolate.com/book/2472/61767>